

Геннадий Веретельников

*Сто один,
Страшный лейтенант и другие*
Рассказы

12+

Геннадий Веретельников

**«Сто один», «Страшный
лейтенант» и другие рассказы**

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Веретельников Г. А.

«Сто один», «Страшный лейтенант» и другие рассказы /
Г. А. Веретельников — «ЛитРес: Самиздат», 2000

Рассказы об обычных мужчинах, для которых быть мужественным в порядке вещей. Спасать людей ценой своей жизни. Это подвиг? Вы таких знаете лично? А я знаю. О них и расскажу. Желаю положительных эмоций. Сильно впечатлительным не читать! Будете плакать вне зависимости от пола и возраста. Хотите вновь найти утерянную связь со своим ребёнком? Тогда почитайте ему эти рассказы вслух, на ночь. Попросите его послушать вашу дикцию (придумайте для чего), и пусть он вас поправляет во время чтения. Создайте атмосферу такую, чтобы вы были хорошо освещены, а ваш ребенок находился в полутьме. Когда вы начнёте читать, он, да и вы тоже, будете испытывать сильные эмоции, и он должен знать, что вы не видите его слёз... Читайте не более одного рассказа в день. И по окончании чтения, я уверен, у вас всё восстановится. А потом продолжайте читать ему всё, что он попросит, хоть "Три мушкетёра", хоть "Письма о войне", это уже будет не важно! Ни один десяток человек мне уже сказал спасибо за этот совет! Воспользуйтесь и вы!

Содержание

Сто один	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Геннадий Веретельников

"Сто один", "Страшный лейтенант" и другие рассказы

Сто один

Глава 1

Любимое воспоминание – это возвращение моего папы с учений.

Это было целое событие! Мне давали первому с разбега запрыгнуть папе на шею и прижаться со всей силы к папиной небритой щеке. И острые звездочки на шинели, царапали так породному!

Потом было торжественное вручение подарков на кухне.

Мама обычно разные платочки, а мне редкие тогда игрушки–индейцев (даже сейчас еще они сохранились, почти все, вместе с украшением моей коллекции – вигвамом!).

Ну а дальше был ужин, обычно папина любимая картошка в мундире с селедкой и с замороженным и тонко нарезанным белым салом. Аромат картошки всегда разносился по всему подъезду и все соседи уже знали, что папа вернулся с учений, и чуть попозже обязательно кто-нибудь приходил, и посиделки затягивались до поздней ночи!

Моего папочку обожали все!

Все закончилось в один момент... .

Мои родители разошлись. Разошлись странным и для меня абсолютно непонятным образом. Мне только-только исполнилось шесть лет. Я был слишком мал и не мог понять, отчего, когда я входил к ним в комнату, они внезапно замолкали, и никто из них не мог смотреть мне в глаза. Потом кто-то из них, чаще это был папа, брал меня на руки и пытался со мной играть. Как раньше втроем, взявшись за руки, уже не гуляли. А мне так нравилось поджимать ноги и просить папу с мамой побежать, так быстро, как ветер!

Отныне гулял со мной кто-то один.

Потом папа ушел. Забравшая меня из садика мама – поведала:

– Папа ушел к другой тётё, и мы не будем больше жить вместе, но ты, сынок, не расстраивайся, теперь у нас все будет очень хорошо!

Говорила, что скоро жизнь наша чудесным образом изменится. Я ей не сказал ни слова. Не заплакал. В голове у меня повторялся один и тот же вопрос:

– Как может быть лучше без папы? Как?

Глава 2

Странная жизнь совсем без папы продолжалась около месяца.

Папа стал приходиться к нам в октябре для того, что бы погулять со мной. Каждую субботу в одиннадцать. Я видел, что он чувствует себя крайне неловко. Впрочем, так же, как и мама. Мне очень хотелось взять папу за руку. Подвести его к мамочке. Взять маму другой рукой, вложить их руки друг в друга и попросить их улыбнуться. И случится чудо – они помирятся!

И всё станет, как было раньше! Папа улыбнется краешком губ, мама заразительно засмеется, и мы побежим все вместе, вприпрыжку по первому снегу! Но я так и не решился этого сделать. О чём сожалею и по сей день.

Мы с папой гуляли, иногда молча, иногда болтая обо всем на свете.

Возле дома отец всегда останавливался и говорил:

– Сын, – или, иногда – «сынулина», – Береги мамулю. Она чудесная. Или:

– Сынуля, читай книжки. Скоро школа и я не хочу, чтобы меня ругали из-за тебя.

Запомнился мне один из вечеров, когда он, подводя меня к дому, сказал следующее:

– То, что я тебе сейчас скажу, ты, мой сын, должен запомнить сам и передать своему сыну! Книги – они живые. У каждой книги своя жизнь. И созданы они для того, чтобы отвечать на вопросы. Читай умные книги, и они дадут тебе ответ на любой вопрос. Они научат тебя всему, что надо уметь в жизни! Например, как вырасти честным и сильным, чтобы все вокруг считали тебя настоящим мужчиной. И ты всегда сомневайся в том, что тебе говорят люди! И не важно, кто это, то ли учителя, то ли друзья во дворе, то ли соседи – не сомневайся только в тех книгах, которые ты читаешь!

И потрепав волосы у меня на голове, сказал на прощание, как говорил всегда:

«Ну, беги, давай»!

Папа уходил в сторону автобусной остановки, а мелкий снег падал и падал на его красивую военную серую шинель, припорашивая шапку и офицерские погоны со звездочками. Хотелось крикнуть ему вслед, побежать, прижаться к нему, обхватить за ноги, и слыша такой родной и знакомый запах папы, который замешивался из запаха военной формы, крема для обуви, табака, кожаной портупеи, и закричать во весь голос:

«Папочка, не уходи! Как плохо мне без тебя, папуля! Хочу, хочу, чтобы было все как раньше!». И заплакать, плакать, не переставая, капая слезами на серую, любимую безупречную офицерскую шинель. И избавиться от душевной боли, переживая вновь и вновь присутствие на плече сильные отцовские руки. Но я не делал этого. А просто смотрел, как он уходит. Снежинки падали на меня, на мое лицо, поднятое в немой мольбе к темному небу, и таяли, смешиваясь со слезами, которые бежали по моим щекам.

Всё было неправильно. Так не должно было быть. Но было.

Глава 3

Жизнь продолжалась. Как-то весной мы с папой и его друзьями поехали на пикник. Папа предложил мне поиграть в нашу любимую, на природе игру, и мы начали играть в первопроходцев – пробрались через очень густые и сложные заросли и вышли на красивую песчаную полянку и, пройдя по ней, подошли к воде. Я услышал звук моторной лодки, повернул на звук голову и увидел, мечту мальчишек моего двора, идущую по течению серебристую моторную лодку-казанку, с тремя мужиками в ней. Они тоже заметили нас и, перекинувшись какими-то словами, резко изменили направление и направили лодку в нашу сторону. Папа взял меня за руку, резко меня развернул и пошел в сторону зарослей. Я услышал звук того, как лодка уткнулась в песчаный берег, и заглух мотор.

Самый рослый из них прыгнул в воду первым и крикнул:

«Э, мужик, стоять, сигареты у тебя не будет?».

На ходу повернув голову назад, увидел, что к нам бегут трое.

Им было может по двадцать, может чуть больше лет. Длинные волосы и в расклешенных джинсах.

Сын, не надо оборачиваться, идем быстрее, это шпана, не связываемся, – очень тихо сказал папа и мы ускорили шаг.

«Эй, ты че, мужик не понял, кому я сказал стоять! Сигаретой угости!» – прозвучало уже за самой моей спиной.

Мы остановились. Папа повернулся назад. И очень тихим голосом – я не помню, чтобы мой папа разговаривал таким тихим голосом – ответил:

Лезгинку станцуешь – дам тебе сигарету.

– Чего-чего, – произнес парень с заячьей губой

– Это ты кому сказал, – прохрипел гнусавым голосом третий мужик с грязными длинными волосами и плюнул папе под ноги зеленой соплей.

Она приземлилась в нескольких миллиметрах от папиных кроссовок. И сразу стала покрываться желтыми песчинками. Они нас взяли в полукруг, оттеснив нас от спасительных, по моему разумению, зарослей.

Позади нас искрился быстрым течением Иртыш. Папа плавно переместил меня себе за спину, резко пригнулся ко мне и прошептал в ухо:

– Когда начнется драка, беги в кусты, понял? – И уже громким голосом сказал:

– Да, все трое станцуйте и получите это, – и он бросил перед ними початую пачку папирос.

– Да ты совсем борзый, а мужик, – сказал гнусавый, и из его рта полилась грязная ругань.

– Будешь ругаться при ребенке, в угол поставлю, сосунок! – От того, что папа резко повысил голос, двое парней, подбежавшие к первому, даже немного отодвинулись.

– Вижу ты мужичок, борзый, да? Да мы сейчас и тебя и твоего недоноска поимеем! – Сказал кто-то из них и парни загоготали.

– А ну, ботаник, кошелек сюда или зарежем обоих. Так понятнее? – гундосый засунул руку в карман и достал выкидной нож. Послышался сухой и резкий металлический звук, – это открылось его лезвие, – давай по-хорошему – останетесь живы, нет – и тебя зарежем и сынка твоего в свидетелях не оставим!

Длинноволосый парень прыгнул ко мне и схватил за шиворот. Папа резко с разворота ударил его своей ногой куда-то между пяткой и серединой его кеда. Послышался странный тихий звук, как будто под водой ломают сухую веточку, лохматый охнул и начал заваливаться на подкосившуюся ногу и потянул меня за мою рубашку за собой. Рубашка начала с меня слазить, налезла на голову и закрыла мне видимость. Лохматый повалил меня на песок, и попытался встать. Но нога его не слушалась, и у него получилось только встать на колени. И он вдруг закричал:

– «Губа», он мне ногу поломал – мочи его!

Парень с заячьей губой, звериным чутьем, вдруг понял, что папа один – сильнее их всех, да и не боится их, несмотря на ножи в их руках, и скорее всего проигрыш стаи неизбежен. Он крикнул гундосому:

– Гуня, мочи его!

Гундосый сунул руку с ножом папе в лицо, а парень с заячьей губой в два прыжка оказался возле меня и приставил нож к моему горлу.

Я почувствовал холодный металл возле шеи, перегар, смешанный с потом и вонью несвежей одежды. Ноги меня перестали слушаться и я оцепенел.

Папа увидел, что произошло, и поднял руки, одновременно говоря:

– Всё мужики, всё, ваша взяла, только не трогайте сына!

Гундосый засмеялся, подошел к папе сбоку. Папино внимание было сосредоточено на мне и парне с заячьей губой. И я увидел, что гундосый отводит руку для удара ножом за папиной спиной и папа этого просто не видит! Я закричал что есть силы, даже не закричал, а завизжал, завыл и из моего горла вылетело:

– Папа, сзациииии..!

Одновременно я схватил лезвие возле своего горла двумя своими ручонками, немного отвел от себя нож, и укусил, что есть мочи за кисть с грязными ногтями и татуированной буквой «С», и с точкой между большим и указательным пальцем! Боли я не чувствовал. Чувствовал попытку «заячьей губы» вырвать из моих рук свой нож, который уже стал липким от моей крови. Он бил меня второй рукой по голове, а я продолжал издавать звук похожий одновременно на звериный рык и словосочетание «папа, сзади!».

Оседая на песок, я увидел, что папа неведомым образом присел и с разворота ударил гундосого в кадык, одновременно перехватывая кисть, в которой был нож. Гундосый всхлипнул и как столб рухнул возле ног папы, который продолжал держать его за кисть. Выхватив из обмякшей руки гундосого «финку», папа одним прыжком оказался возле нас и стал наносить «заячьей губе» удары ножом гундосого, которые глухими ударами отдавались в мою спину через обмякшее тело бандита..

От невыносимой боли в руках и голове, у меня потемнело перед глазами, и я стал проваливаться в бездонную черную пропасть..

Глава 4

Когда я пришел в себя, то почувствовал, что я раздетый лежу на самом берегу Иртыша, и меня моют холодной водой и ощупывают теплые папины руки. Боль пришла внезапно и везде. Болели ладони, даже не болели, а горели огнём, и любое мое движение приносило резкий взрыв боли. Болело ухо и правая часть головы. Правый глаз отек и не хотел полностью открываться.

Папа внимательно меня осмотрел и сказал:

– Все в порядке, сынулина, все в порядке, все позади, мы справились.

Я увидел, что два его друга спешно закидывают что-то в овраге свежесрезанными крупными ветками. Он перехватил мой взгляд и сказал:

– Сын, на этом свете достаточно мусора и среди людей, трех из них ты видел. Это шпана. Отбросы. Это не люди. Не жалея их. Просто запомни, что их нельзя бояться! Им нельзя показывать слабость. Нельзя поднимая руки сдаваться. Зло, как бы оно не выглядело, и в каком количестве бы не было, должно мгновенно получать отпор. И не важно, сын, что возможно зло выглядит сильнее, чем ты. Важно не сдаваться. Ты сейчас живешь, потому что твои русские предки никогда не сдавались! Помни, когда заканчиваются силы – остается характер. Побеждает не сила. Побеждает дух. Бог не дает сильным храбрость, Бог дает храбрым силу! Промолчишь, испугаешься, отдашь деньги и будешь оправдывать себя, что главное выжить, значит, ты зря живешь на этой планете, значит ты трус. Значит ты не мужчина. Ну а те, кто может убить или изнасиловать ребенка просто не должны ходить по этой земле. Ты не трусил. Я горжусь тобой. А сейчас мы поедem к нашему соседу, дяде Леше в больницу и он зашьет тебе все твои боевые раны, – и папа улыбнулся.

Зашивали меня довольно долго. Папа не отводил глаз с рук дяди Леша, а я не сводил глаз со своего папы! Я смотрел и смотрел на него. Меня распирало от гордости, что у меня такой папа! Как в кино, он справился со всеми! Как самый настоящий герой! Как в тех книжках, которые он мне читал на ночь о русских богатырях! И это все мой, мой папочка!

Жаль, что никому из моих друзей нельзя было об этом рассказать.

А мне так хотелось поделиться нашей общей победой! Рассказать всему свету, что мой папа настоящий герой, как в кино!

Но он попросил меня молчать. До тех пор, пока у меня не появится сын.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.